

01.04.1953

Вырезка из журнала

В ЗАЩИТУ МИРА

№

24

1053

СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ

композитор и музыкант

КЛОД РУА

СЕРГЕЙ Прокофьев скончался скоропостижно в возрасте шестидесяти двух лет. Он прожил жизнь сравнительно недолгую, но такую насыщенную, творчески яркую, что невольно вспоминаются слова Бодлера: *«Говорят, мне тридцать лет; вернее было бы сказать, что мне девяносто лет... ведь я вместил три мгновенья в одно...»* Первое свое произведение Прокофьев написал, когда ему было пять с половиной лет. А когда кровоизлияние в мозг унесло композитора в могилу, на столе у него лежали раскрытые рукописи, над которыми он работал. Сергей Прокофьев родился в 1891 году в б. Екатеринославской губернии в семье агронома. С детских лет и до дня смерти Прокофьев упорно трудился, углублял свое творчество и обогащал его из года в год все новыми творениями, принадлежавшими к числу наиболее значительных произведений современной музыки.

Почитатели Прокофьева должны питать теплую признательность к его матери Марии Григорьевне Житковой, которая с малых лет старалась привить своему сыну любовь к музыке, записывала первые композиции ребенка.

С 1902 года мать доверила музыкальное воспитание сына луч-

шим учителям, каких только она могла найти. В 1904 году Глазунов, прослушав юного музыканта, сказал: *«Очень возможно, что он будет выдающимся музыкантом»*. В тринадцать лет Прокофьев был принят в Петербургскую консерваторию; к этому времени он уже обладал благодаря заботам матери поразительной для его возраста музыкальной культурой. В творчестве Прокофьева как композитора и в его исполнительской деятельности большое место занимает рояль; и это, несомненно, объясняется воспитанием, полученным композитором в детстве.

Произведения Прокофьева, написанные для рояля, фортепианные варианты его оркестровой музыки к балетам *Золушка* и *Ромео и Джульетта*, девять сонат, написанных им за время с 1909 по 1952 год, *Мимолетности* (1915—1917) и бесчисленные музыкальные пьесы свидетельствуют о ярком и своеобразном таланте Прокофьева; язык его мелодий — четкий и ясный и при всей глубине содержания и богатстве тонов отличается легкостью и простотой. Музыку Прокофьева отличают энергичные, свойственные ему властные ритмы: то отрывистые, часто у него встречающиеся, то широкие мелодии, то танцевальные,

быстрые и резко скандированные. Даже критиков царской России, которые наряду с американскими, английскими и французскими критиками написали о Прокофьеве столько несправедливых глупостей, поражала захватывающая сила фортепианной игры Прокофьева, выступавшего исполнителем своих произведений. *«Под его пальцами фортепиано хочет не петь и вибрировать, — писал один из московских критиков, — оно хочет говорить убедительным и строгим тоном ударного инструмента, сильным тоном инструмента типа старинного клавесина. Но именно эта убежденная свобода исполнения и строгая чеканка ритма доставили автору хороший успех у публики».* Во Франции, к сожалению, не были записаны на пленку произведения Прокофьева в его собственном исполнении. Но и те пластинки, которые у нас имеются, дают достаточно верное представление о своеобразии «прокофьевской манеры». Оно чувствуется и в *сонате № 2 ре-минор* (1912), и в *сонате № 5 до-мажор* (1923), которые с таким высоким мастерством исполняет Робер Корнмюс, и в семи *Мимолетностях* (1915—1917) в исполнении Сары Новиковой, и в *Сказках старой бабушки* (1919),

записанных на пленках в исполнении Льва Оборина, и в отрывке из великолепной феерии *Золушки* (1941), которые исполняет Жизель Кун. Для всех этих вещей характерно четкое и ясное раскрытие темы, смелый музыкальный рисунок, сдержанность, лаконичность в пассажах, написанных синкопированными аккордами, и наряду с этим веселая говорливость, тонкий юмор и прозрачная простота классической музыки, — словом, все черты, отличающие и оркестровую музыку Прокофьева.

Октябрьская революция вначале не нашла глубокого отражения в творчестве Прокофьева. Лишь в одной из *Мимолетностей*, да и то очень поверхностно, передается драматическая атмосфера борьбы, в которой рождалась Советская Республика. В том, как Прокофьев принял революцию, есть нечто общее между ним и некоторыми поэтами футуристами. В 1914 году Прокофьев написал балет для Дягилева, а затем на основе этой музыки создал *Скифскую сюиту* (недавно запись этой сюиты, исполненной венским оркестром под управлением Германа Шерхена, получила Большую премию патефонных записей). В пестром и бурном развитии *Скифской сюи-*

ты, где использован сложный оркестр, поддерживаемый многочисленными ударными инструментами, переданы настроения, свойственные некоторым русским интеллигентам того времени. Миф о великой спасительнице «Варварии», «панмонголизм» Соловьева, увлечение скифами Александра Блока, желанное пришествие «варвара-плебей» — вот что вдохновляло Прокофьева, который не пришел в то время к правильному пониманию событий, свершавшихся в России. Позднее, в 1925—1926 годах, когда Прокофьев, находившийся во Франции, задумал в музыке балета *Стальной скок* показать большевистскую революцию, ему не удалось выразить то, что он хотел сказать; эта музыка напоминает некоторые гравюры Франса Мазереля, рисующие жизнь современных больших городов, некоторые полотна Фернана Леже его «механического» периода, а не произведения советской литературы и советские кинофильмы, посвященные изображению гражданской войны и последующим годам жизни страны. В 1916—1917 годах, когда царская Россия уже рушилась, Прокофьев написал самое изысканное и самое анахроничное из своих произведений *Классическую симфонию*.

В последующие годы, когда Прокофьев жил во Франции и лишь изредка навещал родную страну, он работал очень много. Упорно совершенствуя свой музыкальный стиль, Прокофьев неизменно оставался всеми корнями связанным со своей родной страной, по которой он сильно тосковал. Но даже в самых «русских» по характеру произведениях тех лет, например в «Сказке про шута, семерых шутов перешутившего», чувствуется какой-то гротескный излом, который выдает глубокую идейную опустошенность Прокофьева. Хотя в эти годы им было написано несколько превосходных

произведений, например замечательный *Третий концерт для рояля*, его все больше томит желание соединиться со своим народом, он все живее ощущает потребность стать участником того великого расцвета искусства, который, как он чувствовал, совершался в Советском Союзе.

В 1932 году, вернувшись в СССР, Прокофьев сказал: «Я с величайшей радостью возвращаюсь восвояси на советскую землю». И эта радость красной нитью проходит через все творчество плодотворного двадцатилетия жизни, которое композитор всецело посвятил своему народу.

Немало распространяли вздорных выдумок о том, как бедного Прокофьева громили советские критики и как бедный Прокофьев, повинувшись приказам, вынужден был отречься от лучших проявлений своего творческого гения.

Но стоит прослушать хотя бы одно из первых его произведений, написанных по возвращении в СССР, например сюиту, взятую из его музыки к кинофильму *Поручик Киже*, или одно из последних творений композитора — чудесную ораторию *На страже мира*, — и невозможно будет поверить ни одному слову из рассказней, рисующих Прокофьева каким-то загнанным, искалеченным существом. Сергей Прокофьев, музыкант высокой души, всегда стремился быть вместе со своим народом, делить его горести и радости. «Музыка в нашей стране стала достоянием огромных масс, — писал он, — их художественный вкус, их требования, предъявляемые к искусству, растут с быстротой, поистине необычайной, и необходимую «поправку» на этот рост композитор должен предусматривать в каждой новой своей работе. В этом есть своеобразное сходство со стрельбой по движущимся мишеням. Только взяв прицел вперед, в

завтрашний день, вы не останетесь позади, на уровне вчерашних требований. Вот почему всякое стремление композитора к упрощенчеству я считаю ошибкой». Прокофьев никогда не пошел бы на это.

Творческий гений Сергея Прокофьева чрезвычайно многогранен. Он предстает перед нами то юмористом в музыке *Сказки про шута* и *Поручика Киже* с ее быстрыми ритмами и язвительным лукавством, то благодушным отцом семейства, рассказывающим своим

детям поэтические насмешливые басенки — в *Сказках старой бабушки*, в *Гадком утенке* или в сказке *Петя и волк*, то вдохновенным певцом надежды и человеческой доброты в оратории *На страже мира*. Но улыбается ли Прокофьев или плачет, шутит он или поднимается к вершинам пафоса, он всегда остается одним из самых выдающихся музыкантов современности. Голос его звучит не только на Советский Союз, но и на весь мир.

